

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС Н.И. НОВИКОВА: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

N. I. NOVIKOV'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE: LEXICAL ASPECT

E. Kornienko

Summary. This article focuses on the religious discourse of the Russian philosopher N. I. Novikov. The popular theological discourse allocates in the Novikov's heritage. The article shows the zones of intersection of religious discourse with philosophical and pedagogical. The analysis reveals the basic concepts of religious discourse "Man" — "God" and their verbalized connections. The paper describes the lexical field of nomination of these concepts. The important argument of the nuclear position of the concept "Man" and the social dominant of religious discourse in the Novikov's heritage plays an important role in the article. The article deals with the semantics of concepts that play an instrumental role in the translation of religious and philosophical discourse.

Keywords: religious and philosophical discourse, linguistic personality, the concept "God", concept "Man", the lexical field, religious vocabulary, regiolects.

Корниенко Елена Реевна

К.п.н., доцент, Северный государственный
медицинский университет (г. Архангельск)
er-kor@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается религиозный дискурс русского философа Н. И. Новикова. Дано обоснование выделения в наследии Н. И. Новикова популярно-теологического дискурса. Показаны зоны пересечения религиозного дискурса с философским и педагогическим. Проведен анализ базовых концептов религиозного дискурса «Человек» — «Бог» и их вербализованных связей. В работе описано лексическое поле номинации данных концептов. Доказаны ядерная позиция концепта «Человек» и социальная доминанта религиозного дискурса в наследии Н. И. Новикова. Рассматривается семантика понятий, играющих инструментальную роль в трансляции религиозно-философского дискурса.

Ключевые слова: религиозно-философский дискурс, языковая личность, концепт Бог, концепт Человек, лексическое поле, религиозная лексика, региолектизмы.

Русский религиозно-философский дискурс исследовали с различных позиций лингвисты В. В. Варава, Н. Полторацкий, А. В. Усачев, С. С. Хоружий и др. Значимость данного дискурса определяется наполнением его содержания спектром культурных концептов, например: Человек, Вера, Истина и проч., отражающих русскую языковую картину мира [15]. «Каждый конфессиональный тип дискурсии базируется на специфической иерархической системе основных когний, каждая из которых получает в дискурсивной практике конкретной конфессии своеобразное семантическое наполнение. Религиозный дискурс представляет собой дискурс веры, которая доминирует над рациональным знанием и при этом допускает знание-откровение» [3, с. 120].

Очевидно, что исследование религиозно-философского дискурса значимо как с точки зрения порождения, так и толкования, интерпретации, которая подчиняется общим правилам восприятия текста (Бахтин М. М. 1975, 1979; Виноградов В. В. 1959, 1976; Винокур Г. О. 1990; Гальперин И. Р. 1991; Гаспаров Б. М. 1996; Лотман Ю. М. 1972, 1996; Новиков А. И. 1983 и др.), однако обладает спецификой, обусловленной социально-культурными границами и коммуникативными механизмами данного дискурса.

Исследователем И. В. Анистратенко применительно к указанному дискурсу разработана категориальная модель групповой языковой личности; в рамках которой уточняется специфика «типологии субъекта дискурсивно-текстообразующего процесса» [1]. Попытка аналитического прочтения основных текстов религиозно-философской направленности, выявление их дискурсивных параметров позволяет уточнить «параметры групповой языковой личности» дискурса, дополнить типологию его субъектов, выявить индивидуальное и коллективное в духовной концептосфере. Сказанным определяется актуальность нашей работы и обусловленность обращения к религиозно-философскому дискурсу русского просветителя и философа Н. И. Новикова, одного из значительных деятелей русской культуры и общественности II половины XVIII века.

Прежде всего религиозно-философского дискурса Н. И. Новикова специфичен с позиции лексической экспликации концептов, так как «частотность, сочетание и взаимосвязи концептов являются основой дискурса и различают дискурсы между собой» [6, с. 40]. Следовательно, наша задача заключается в исследовании лексического поля ядерных концептов религиозно-философского дискурса.

Метод когнитивной семантики позволяет осуществить на базе лексикологического анализа концептуальный, с помощью которого создается когнитивная модель авторского дискурса. Также в нашем исследовании внимание уделяется грамматическим явлениям, анализируемым с позиций когнитивно-дискурсивной грамматики, позволяющим интерпретировать содержательное наполнение концептуальной картины мира человека [4, 10].

В рамках нашего исследования находятся ключевые концепты религиозно-философских статей просветителя и философа Н.И. Новикова, интерпретация которых также важна и для широкого восприятия русской культуры II половины XVIII века. Материалом исследования являются следующие тексты: «Предуведомление» к «Утреннему свету», «Заключение журнала под названием «Утреннего света», «О достоинствах человека в отношениях к богу и миру», «Предисловие» («Московское ежемесячное издание»), «Человек, наедине рассуждающий о неудовершимых пневматологических, психологических и онтологических задачах» («Покоящийся трудолюбец»).

Текстовый материал Н.И. Новикова мы можем исследовать и как философский, и как религиозно-философский, но его нельзя отнести однозначно к собственно религиозным, или богословским текстам. Именно потому, что адресатом являются читатели светских журналов, издаваемых просветителем. Анализ языковых особенностей указанных текстов подтверждает их причастность к религиозно-философскому дискурсу.

Вербальную составляющую религиозного дискурса представляет религиозная лексика, объединяющая лексемы, несущие номинации различных религий. Исследователь К.А. Тимофеев, рассматривая религиозную лексику, образует следующую группировку: 1) общерелигиозная лексика (*Бог, душа, т.д.*); 2) общехристианская лексика (*Евангелие, Церковь, исповедь, т.д.*); 3) частнохристианская лексика (*батюшка, пастор*) [17, с. 5]. С точки зрения лингвиста Бугаевой И.В. разграничиваются: а) религиозные термины с отсутствием общеупотребительных аналогов (*ряса, аналой, т.п.*); б) региолектизмы, имеющие синонимы в языке (*трапезная/столовая, новолетие/новый год*) [5, с. 29–30]. Религиозная терминология и лексика на современном этапе эффективно исследуются в функциональном аспекте. Так, исследователем Е.В. Бобыревой анализируются лексические единицы, перешедшие из религиозной сферы в общеязыковое употребление (*рай, ад, храм, т.п.*) [2, с. 13]. Периферию религиозной лексики наполняют слова, имеющие общеязыковое значение, но обладающие коннотацией — религиозной, духовной (*грех, вера*).

Денотативные и коннотативные семы образуют единый религиозный компонент в структуре значения слов, организующих и структурирующих лексическое поле религиозного дискурса. Проявление указанного явления находим в используемых Н.И. Новиковым религиозно-философских произведениях, что помогает понять христианское мироощущение автора и смоделировать культурные концепты, основополагающие для русской языковой картины мира, как-то: «человек», «бог», «душа», «вера», «истина», и равно важные как для религиозного, так и для философского дискурса. Они, как доказывается в книге Ю.С. Степанова, становятся константами русской культуры [16].

Посредством лексико-семантического анализа из статей нами вычленена лексика с религиозной семантикой и сгруппирована, опираясь на классификацию К.А. Тимофеева [17]. В основном в текстовом материале Н.И. Новикова фигурирует общерелигиозная лексика, то есть слова, обозначающие понятия, свойственные всем религиям (*бог, божия, всевышний, всемогущий, творец, небесный отец, естество, существо, душа*). Слово «бог» получает статус ключевой лексики авторского дискурса по основанию частотности (см. ниже). Общехристианская и частнохристианская (*пастыри*) лексика встречается единично. С точки зрения семантики, слова распределяются на следующие лексико-семантические группы:

- ♦ ключевые понятия и символы Православия: *вера, грех, благодать, духовная жизнь, рай, ад*;
- ♦ библейские персонажи: *Бог*;
- ♦ религиозные процессы и качества: *проповедь (после говоренных ими проповедей), видит причину своего бытия, повиновение божественным уставам, уверены о бессмертии нашей души, приятен богу, подобно божественному огню согревает*;
- ♦ облачение священнослужителей: *венец*;
- ♦ тексты молитв: *аз же есмь, воистину николи же до кончины дней моих, аминь, целует тя* [12].

Дискурс Н.И. Новикова имеет религиозный компонент, тем не менее исследование концептосферы показало переход религиозных понятий на уровень философского обобщения. Наше внимание обращено к ядерным концептам «Человек», «Бог» религиозно-философского дискурса просветителя; где при их анализе необходимо:

1. руководствоваться лингвистическим критерием (вычленение ключевых слов);
2. акцентировать внимание на содержании текстов (определение тем и идей), эксплицируемом в лексическом поле;
3. распознать семантические категории религиозно-философского дискурса, вербализованные в сильных позициях — названиях текстов («О

достоинстве человека в отношении к богу и миру», «Философское рассуждение о совести вообще», *Рассуждение о бессмертии души*, «О добродетели» и др.);

4. вычленив ключевые слова, эксплицирующие языковую картину мира Н.И. Новикова, включающую макро- и микроконцепты (Бог, человек, душа, сердце, добродетель, др.).

По результатам работы с текстами была осуществлена сплошная выборка, то есть собрано более 300 примеров употребления указанных лексем в контексте, сверх того выбраны иные лексемы, вербализующие ядерные концепты.

В эпоху Просвещения проблема человека являлась центральной, поэтому философские работы, помещенные в журналах «Утренний свет» и «Московское еженедельное издание», внутренне едины, так как проявляют позицию просветителя в указанной проблематике.

Позиционируя человека в качестве «совершеннейшего творения бога», Н.И. Новиков в ключевой статье «Предупреждение» к «Утреннему свету» писал: «Все три царства природы были бы для нас немногочисленны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего одного сотворен владыкою. Все пространное поле наук и художеств преобразилось бы в пустое, бесплодное и сведения не достойное мечтание, ежели б оные не стремились ко исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению души и сил ее. Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего преизящнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим...» [12, с. 178]. Эту же позицию обозначал философ в статье «О достоинстве человека в отношении к богу и миру».

Итак, в творчестве философа-просветителя человек рассматривается как элемент системы: «неминуемо долженствуем разобраны и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим» [12, с. 183]. При этом «человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечных цепей действительно существующих веществ» [12, с. 183]. Человек, по заявлению просветителя, — «важная часть природы», ему необходимо считаться с таковым своим положением, в связи с тем, что «ни единый человек не может ни мыслить, ни делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостью, не будет почитать себя важного частию творения» [12, с. 183]. В интерпретации человека

четко прослеживается аспект просветительской философии: постулат о существенности личности человека и его существовании. Так, в первой части «Предупреждения» к журналу «Утренний свет» (1771) заявлено, что человек — это «средоточение всех вещей», поэтому каждый должен «признавать себя за важную и достойную часть его средоточия» [12, с. 178].

Как указывает Г.П. Макогоненко, философское учение просветителя о человеке «враждебно дворянско-сословной, церковной масонской морали» по причине того, что формирует в личности достоинство и «желание осуществлять свое истинное величие» в патриотизме и полезной для общества деятельности [11, с. 247]. Без сомнения, с точки зрения Н.И. Новикова, человек должен «почитать себя важною частию творения» [12, с. 183], нести «свое высокое человеческое достоинство» [12, с. 180], «споспешествовать добродетели», приобщаться к «полезному для общества труду», быть «истинным патриотом» и «прямым человеком» [12, с. 181]. Таким образом, концепт «Человек», формируемый в дискурсе Н.И. Новикова, обладает идеологической составляющей, отличающей его от классического религиозного концепта. Названный концепт вербализируется с помощью номинаций человек, сочлен, разумное существо и др., но самой частотной является лексема человек с дериватами «сочеловек», «нечеловек» и множественным числом: человеки, люди. Словообразовательное гнездо концепта включает лексемы: человекство, бесчеловечие, человеколюбие, человеческий.

Для иллюстрации частотности номинаций концепта приведем результаты статистического подсчета слов в статье «Предупреждение» журнала «Утренний свет» [12, с. 176–182]. Н.И. Новиков употребляет слово «человек» — 10 раз, форму множественного числа «человеки» — 4 раза, форму множественного числа «люди» — 8 раз, собирательную номинацию «человечество» — 3 раза, максимально семантически близкие синонимы: «сочлен» — 4 раза, «сограждане» — 9 раз. Единично им употребляются языковые единицы, формирующие лексическое поле концепта: номинации человека, являющиеся частичными синонимами «единоземцы», «владыка» (в значении человек); отвлеченные существительные, обозначающие качества человека (человеколюбие, бесчеловечие); производные прилагательные (человеческая природа, человеческое достоинство, человеческий образ, человеческое сердце, человеколюбивые). Кроме того, сочетаемость слова «человек» достаточно продуктивна: прямой человек, человек природный, духовный и др.; естество человека, жизнь человека, счастье человека, ум человека, душа и тело человека и др. Синтагматика номинации человек и дериватов слова позволяет отметить актуальную семантику анализируемого понятия, функционирующего в религиозно-фи-

лософском дискурсе Н.И. Новикова в двух значениях: 1) как «разумное, духовное, общественное существо»; 2) как «человечество» (собирательное понятие). Также лексические синтагматические и парадигматические связи слова «человек» формируют педагогический дискурс, центральной идеей которого становится мысль о воспитании самого себя.

В трудах философа концепт «Человек» эксплицируется в тесной связи с базовым концептом религиозного дискурса — «Бог». Как известно, религиозный дискурс является разновидностью институционального, сформированного вокруг одного из ключевых концептов «Вера» [8]. Базируясь на подходе членения религиозной дискурсивной сферы на сегменты в религиозном дискурсе выделяют его особый вид — теологический дискурс со следующей целевой установкой: через размышления о Боге убедить реципиента в истинности христианского учения [7]. Теологический дискурс исследовался в ряде работ, рассматривающих его исторический аспект [4, 9], лексический аспект [13], лингвопрагматический аспект [14].

На функциональном основании мы вычленим в пространстве религиозного дискурса Н.И. Новикова популярно-теологический; функциями которого становятся:

1. коммуникативная функция, предполагающая взаимодействие коммуникантов с целью изложения и разъяснения богословского знания;
2. аргументирующая функция, состоящая в подтверждении христианских истин;
3. когнитивная функция, обуславливающая прагматическое воздействие и эмоциональную аргументативность;
4. просветительно-назидательная функция, служащая воспитательному влиянию, вырабатыванию оценок и формированию образа жизни людей;
5. регулятивная, обуславливающая поведение человека;
6. интегративная, объединяющая людей.

Образцом популярно-теологического дискурса служит работа «Человек, наедине рассуждающий о недоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах» («Покоящийся трудолюбец»). В ней утверждается, что человек ничего не знает о сущности вещей и не умеет ее постичь. Вероятно, поэтому в статье используется лингвориторический прием открытого ответа. Например: душа — это существо, но «что есть существо» (*все ли существа имеют внутренне чувство своего бытия; не может ли разум понимать больше о душе человеческой, разлученной с телом; может ли составить душа без тела или тело без души полное понятие о человеке; не проще ли сказать, что человек имеет душу, подобно как бог имеет свой высочайший разум; какое есть*

свойство действия души над телом»); или: душа влияет на внутренний мир человека, но как она действует; или: человек обладает волей, но насколько свободна человеческая воля (*я свободен: но для чего мои глаза повинуются моей воле, а кровь не повинуется?*); или: как происходит познание внешнего мира человеком и др. [12, с. 245–247]. Поставленные вопросы, оставленные наукой без удовлетворяющего ответа, детерминировали «заявление» философа: «*Наше рассуждение недалее простирается своим понятием и о будущем состоянии души, как о ее начале и существе. Ибо нам говорят философы, что она бессмертна, а более ничего*» [12, с. 248]. В конечном выводе статьи («*в исследовании сих задач может разве восторжествовать богословие и религия, а не древняя и новейшая философия*») Н.И. Новиков характерным образом подчеркивает, что не только современная философия, но и древняя бессильны в разрешении указанных задач. Итак, востребована вера в «богооткровенное», так как она может составить воззрение на то, что не под силу разуму: на Бога, бессмертие души, происхождение мира.

Типично для популярно-теологического дискурса Н.И. Новикова использование прилагательного «божественный»: *божественный огонь, божественное учение, божественные уставы, божественные науки*. Лексемами данной концептосферы также являются тематически близкие *благо, любовь, тварь* и др. Они вступают в антонимичные и синонимичные отношения, например: *добро — благо, добро — порок*. Для характеристики человека автор использует понятия *душа, разум, природный*. Ассоциативно-семантические поля концептов «Бог» (*творец, всевышний*) и «Человек» пересекаются, причем область пересечения обширна и включает в себя большое количество лексем: *природа человеческая, сердце, существо, любовь, царство природы, дух, вера, разум, истина, добро, истинный*. Следовательно, для Н.И. Новикова человек одновременно «существо духовное», «разумное» и «существо греховное». Между тем, характеризуя человека как существо божественное и тварное, просветитель в то же время помещает его на высшую ступень мироздания: «*человек есть нечто возвышенное*», «*человеков за истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей почитаем*», «*бог человеков пред всеми другими тварями предпочтил*», «*человеки, как разумное существо, принадлежат ко классу творений первой степени*» [12].

Таким образом, автор формирует иерархию («человек столь много возносится, над животными, чрез что он бывает всему творец») и отвечает на философский вопрос: «*в каком отношении состоят человеки по своему естеству, ко прочим тварям и к остатку своего мира*». Автор подчеркивает взаимодействие человека и бога: «*бог нас сотворил и содержит для*

того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити»; в итоге заключает, что «неоспоримо, что все твари в равном отношении к богу в рассуждении их бытия и сохранения состоят». Важно заметить, что желание прояснить взаимоотношения человека и Бога неизбежно адресует рассуждения автора в поле педагогического дискурса. Русский народ, его самосознание и культура сформировались в лоне Православия, декларирующего идеи духовного единения, любви к ближнему, сострадания, жертвенности, служения перед народом и человечеством [18, с. 16]. Отмеченные добродетели определяют, по мнению Н. И. Новикова, сущность русского человека.

Итак, в проанализированном дискурсе концепт «Человек» соотнесен с концептом «Бог»; с точки зрения Н. И. Новикова, отношения Бога и человека фиксируются в центре мирового процесса.

Таким образом, содержательные особенности религиозно-философского дискурса Н. И. Новикова заключаются в доминанте социального и гражданского. Лексическое поле демонстрирует значимость концепта «Человек», который становится центральным и организует вокруг себя концептосферу, элементы которой выполняют инструментальные функции. Так, компоненты концептосферы «Бог» являются не самостоятельными, самоценными, а служат для разъяснения сущности человека. Доминанта концепта «Человек» на уровне лексической репрезентации подтверждается статистически.

В анализируемом материале данный дискурс приобретает специфические черты: социальную доминанту, размещение в центре концептосферы концепта «Человек», полидискурсивность и открытость, предполагающие сочетание религиозного, популярно-теологического, философского и педагогического дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анистратенко И. В. Лингвориторические параметры групповой языковой личности (на материале русского религиозно-философского дискурса начала XX в.) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. А. А. Ворожбитовой. — Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. Вып. 13. С. 19–27.
2. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 38 с.
3. Богачевская И. В. Религиозный дискурс как объект философско-религиоведческой рефлексии // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 119–121.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1990. 262 с.
5. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Москва, 2010. 48 с.
6. Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 34–49.
7. Войтак М. Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) // Текст: стереотип и творчество. — Пермь: Пермский гос. ун-т, 1998. С. 214–230.
8. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76–83.
9. Гуревич А. Я. Популярное богословие и народная религиозность // Из истории культуры средних веков и Возрождения. — М.: Наука, 1976. С. 65–91.
10. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001, № 1. С. 3–9.
11. Макогоненко, Г. П. Н. И. Новиков и русское просвещение XVIII века. — М., JL.: Гослитиздат, 1952. 543 с.
12. Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. 336 с.
13. Прилуцкий А. М. Дискурс теологии. — СПб.: Светоч, 2006. 304 с.
14. Романченко Ю. В. Лингвопрагматический аспект немецкоязычного теологического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 25 с.
15. Сергеева Е. В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. — СПб.: Наука, САГА, 2002. 192 с.
16. Степанов Ю. С. «Концепты: Тонкая пленка цивилизации». — М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
17. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. — Новосибирск, 2001. 88 с.
18. Троицкий Е. С. О русской идее. Очерк теории возрождения нации. — М., 1994. 313 с.

© Корниенко Елена Ревовна (er-kor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»